

Глава 23. Учитель

— Понял?

Край рукава коснулся его носа. Хотя у него и не было физического тела, Чу Вэю показалось, что он уловил запах, принадлежащий учителю.

Он, не двигаясь, смотрел на стоящего перед ним человека, растерянно покачал головой, а затем кивнул.

Он вроде бы всё видел, но в то же время чувствовал, что ничего не понял.

Перед глазами стоял лишь образ учителя, а что до движений... Кажется, он впервые отвлёкся и совершенно не обратил на них внимания.

Хуа Жун, видя растерянность своего маленького ученика, протянул руку и стукнул его по голове.

— О чём задумался?

Чу Вэй всегда был честен с учителем и, не раздумывая, ответил:

— Учитель слишком красив.

Рука Хуа Жуна, лежавшая на его голове, замерла, а затем вместо того, чтобы стукнуть, начала нежно взъерошивать его волосы.

— Глупости говоришь, — тихо произнёс он.

Но, говоря это, он почему-то не убирал руку, задержав её на мгновение дольше.

— Я правду говорю, — пробормотал Чу Вэй. — Вы и правда очень красивый.

Хуа Жун больше не стал спорить на эту тему и протянул ему ветку.

Эта ветка только что порхала в руках учителя, но на ней не опал ни один листок. Она была целой и невредимой.

— Попробуй.

Чу Вэй взял ветку, осмотрел её со всех сторон, и его сердце наполнилось тревогой.

Учитель редко смотрел, как он упражняется. Если сейчас у него не получится, не разочаруется ли он?

Впервые во время практики с мечом мысли Чу Вэя были заняты другим.

Результат был предсказуем. Ветка не просто разлетелась вдребезги, но и движения меча были исполнены из рук вон плохо. Хуа Жун, глядя на это, нахмурился.

— Я тебя не так учил.

Чу Вэй виновато опустил голову и пробормотал:

— Учитель, простите, я отвлёкся.

Какой позор! Впервые он показывал учителю своё искусство меча, и так ужасно выступил.

Чу Вэй приготовился к упрёкам, но, опустив голову и прождав некоторое время, так и не услышал голоса учителя.

Он с недоумением поднял голову и увидел, что учитель стоит перед ним, молча глядя на него каким-то непонятным взглядом. Но как только он поднял глаза, учитель отвернулся, снова поднял руку и движением воздуха призвал другую ветку.

— Больше не отвлекайся. Смотри внимательно.

Чернильно-чёрный халат снова взметнулся в воздух. Движения были те же, но в руках учителя ветка превратилась в настоящий меч, острое лезвие которого, казалось, несло в себе бесконечную мощь.

Ветер закружился, срывая с деревьев листья, и стих, как только учитель остановился.

На этот раз Чу Вэй не осмелился отвлекаться.

Ему казалось, что он всё понял, и в то же время не понял ничего. Эти движения он повторял бесчисленное количество раз, они были отточены до совершенства.

Учитель опустил руку и снова протянул ему ветку.

— Ещё раз.

Чу Вэй взял ветку, закрыл глаза, прокручивая в голове все движения учителя, и, когда снова открыл глаза, почувствовал, что что-то изменилось.

В парке не было огней, лишь слабый лунный свет пробивался сквозь облака, освещая фигуру юноши.

Под лунным светом его движения были лёгкими и неземными, плавными, как текущая вода, исполненными в едином порыве.

Ветра не было, но бесчисленные опавшие листья, словно повинувшись невидимой силе, закружились вокруг ветки в его руках.

Листья летели всё быстрее и быстрее, словно зелёные бабочки в танце, сплетаясь в единый вихрь, который в момент, когда юноша опустил меч, распался и с силой устремился в разные стороны. Хрупкие, казалось бы, листья, которые можно было сломать одним движением, теперь летели с твёрдостью камня и вонзались в толстые стволы деревьев.

Чу Вэй поднял ветку. На этот раз она не сломалась, оставшись целой в его руке.

— Получилось! Учитель, у меня получилось!

Чу Вэй с «мечом» в руке взволнованно обернулся и увидел улыбку на губах учителя. Он снова замер, поражённый.

Ну как же красив его учитель! Неудивительно, что он постоянно отвлекается.

Закончив ежедневные упражнения, Чу Вэй не хотел уходить.

Когда он не видел учителя, в его сердце жила мечта. Но теперь, увидев его, он понял, насколько сильно он от него зависит.

Он хотел побыть с ним ещё немного и завёл разговор о Хуа Хайцзюне.

— Учитель, это вы явились кому-то во сне?

Хуа Жун помолчал секунду-другую, не ответив, но выражение его лица было красноречивее любых слов.

Увидев реакцию учителя, Чу Вэй всё понял.

— Я так и знал. Кроме вас, обо мне больше некому позаботиться в этом мире.

Сказав это, Чу Вэй наконец-то не смог сдержать улыбки.

— Но, учитель, где вы нашли такого простака? Он решил, что я инопланетянин, и спрашивал, с какой я планеты и какие у меня сверхспособности. Ха-ха-ха, вы бы знали, я сегодня утром чуть не расколосился от смеха.

При одной мысли об этом Чу Вэй не мог удержаться от смеха. Изогнутые уголки его губ и глаз в лунном свете сияли ярко и ослепительно.

Он не заметил, как потемнел взгляд учителя. Он смеялся открыто и безудержно.

Обычно сдержанный и холодный первый ученик школы в этот момент наконец-то сбросил свою оболочку и показал своё истинное мальчишеское лицо. Он был расслаблен и невероятно трогателен.

Хуа Жун стоял рядом, слегка подняв руку, но, так и не коснувшись его, опустил её и тихо сказал:

— Возвращайся спать пораньше. У тебя много уроков, нужно хорошо отдыхать.

Чу Вэй перестал смеяться и с неохотой посмотрел на учителя. В конце концов, он ответил:

— Учитель, вы тоже отдыхайте. Я пошёл.

Хуа Жун кивнул, и его фигура растворилась в воздухе.

Чу Вэй в приподнятом настроении покинул парк, не заметив, что после его ухода учитель, который должен был исчезнуть, снова появился и долго смотрел ему вслед.

Следующие дни проходили спокойно и размеренно. Столовая, общежитие, класс, парк — вот и все места, где бывал Чу Вэй. Ну, и ещё Хуа Хайцзюнь.

После некоторого времени занятий с ним Чу Вэй понял, что Хуа Хайцзюнь не глуп. У него были неплохие способности, просто он был очень ленив.

Наверное, с детства он жил в роскоши, у него не было никаких забот, и он привык учиться как придётся, что и сформировало его нынешний характер.

По словам Хуа Хайцзюня, конечная цель учёбы — это достижение финансовой свободы и лучшей жизни.

Но он, не учась, уже достиг того, к чему многие стремятся всю жизнь. Так зачем ему мучить себя, вставая в пять утра и ложась в девять вечера?

На это Чу Вэй ничего не ответил, потому что счёл его слова отчасти верными.

Но, повернувшись, он всё равно дал молодому господину два теста, которые тот должен был решить перед сном.

В школе ничего особенного не происходило, но местное телевидение в вечерних новостях показало репортаж.

Главной героиней этого репортажа была не кто иная, как обычная девушка из уездной старшей школы.

В новостях лицо Чжао Кэ было скрыто, а имя заменено, но вся история была основана на её жизни.

Написавшая сценарий Ван Лили обладала хорошим слогом и в нескольких словах сумела ярко описать положение девушки.

В репортаже было и интервью с родителями Чжао Кэ, но они вели себя агрессивно и даже пытались выхватить камеру.

Говоря о дочери, отец Чжао Кэ открыто заявил: «Она моя дочь. Я её отец, я её вырастил. Я могу распоряжаться ею, как хочу. Это не ваше дело».

Такой репортаж в новостях мог показаться лишь очередной историей о предпочтении сыновей дочерям. В таком отсталом уезде он не вызвал бы большого резонанса. В лучшем случае, несколько молодых людей, недовольных этим, высказали бы своё мнение, но никто не предпринял бы реальных действий, чтобы спасти эту девушку.

Однако Ван Лили не только показала репортаж в новостях, но и опубликовала это видео в социальной сети под названием «Гуанбо».

«Гуанбо» — это платформа с огромной аудиторией. Видео, опубликованное там, за один день набирает множество просмотров.

К тому же, после публикации этим видео поделился известный блогер с несколькими миллионами подписчиков. Он выступил в защиту девушки и потребовал от полиции вмешаться и пресечь подобную незаконную продажу дочери.

После репоста блогера ещё больше людей узнали о положении девушки. Они начали массово делиться видео, выступая в её защиту. Вскоре это видео стало вирусным и попало в топ «Гуанбо» с хэштегом #ПродажаДочериПреступлениеТребуетНаказания.

Некоторые журналисты, находившиеся поблизости, учуяли сенсацию и, не раздумывая, отправились в путь, чтобы лично разобраться в ситуации.

Если это видео было правдой, то это была очень ценная новость.

Ведь это была история не одной девушки, а отражение судьбы тысяч семей, тысяч девушек, которых принуждали к подобному.

Об этом нужно было рассказать, чтобы как можно больше людей узнали, что принуждение дочери к браку ради денег, против её воли, — это преступление, это аморально.

Хуаго стремительно развивался, многие регионы уже вышли из бедности. Устаревшие феодальные пережитки постепенно уходили в прошлое, а идеи о предпочтении сыновей дочерям исчезали с прогрессом общества.

Равенство полов стало горячей темой, а статус женщин в обществе постепенно рос, они становились неотъемлемой частью социума.

И в таком передовом, цивилизованном, справедливом и честном обществе всё ещё существовал маленький уездный городок, где продажа дочерей считалась нормой. Как это могло не привлечь внимания людей?

В одночасье этот маленький уезд под названием Цин стал горячей темой обсуждения на «Гуанбо».

Кроме сочувствия к девушке со стороны посторонних людей, нашлись и те, кто родом из этого уезда, которые подтвердили отсталость местной культуры, отсталость мышления и невежество и безнравственность родителей, которые не давали детям образования и относились к ним как к товару.

Вскоре в уезд Цин хлынул поток людей из других регионов.

Первым делом они хотели найти главную героиню видео, которую родители чуть не продали, — Чжао Кэ.

Но поскольку Чжао Кэ находилась в школе, эти журналисты не могли просто так ворваться внутрь. Им оставалось лишь караулить у ворот, надеясь выудить сенсационную новость из уезда Цин.

Но благодаря учительнице Цзи Сюэпин, которая не хотела беречь раны Чжао Кэ, она вывела её из школы через другой выход.

Не сумев застать Чжао Кэ, журналисты тут же сменили цель и толпой ринулись к её дому.

А в это время в огромной вилле мужчина в инвалидном кресле быстро пролистывал новости на своём телефоне. Глядя на них, он невольно сжал пальцы.

Время, которое он мог поддерживать свою духовную форму, становилось всё короче.

И чем быстрее восстанавливалось его нынешнее тело, тем меньше времени оставалось для духовной формы, что было несравнимо с прошлым.

Хуа Жун позвал дворецкого и велел ему приготовить машину.

Дворецкий с любопытством спросил:

— Ваше тело ещё не восстановилось. Куда вы собрались?

Хуа Жун открыл телефон. На экране была фотография, тайно сделанная Хуа Хайцзюнем.

На снимке юноша, подперев подбородок рукой, о чём-то задумался, выглядя очень сосредоточенным.

Он убрал телефон в карман и небрежно сказал:

— Нашёл одну интересную зону для застройки. Поеду, осмотрю.